

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Домашний арест: основания и порядок применения»

Обучающийся

С.Ф. Шакирова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Тема выпускной квалификационной работы является актуальной в связи с тем, что, вопросы избрания мер пресечения отмечены особой ролью и повышенным вниманием как по мнению исследователей, изучающих науку уголовного права и процесса, так и по мнению юристов, занимающихся практической деятельностью, в связи с тем, что меры пресечения являются главным способом ограничения права и свобод обвиняемых, обеспечивающих их правомерное поведение в ходе предварительного расследования.

Цель исследования – провести комплексный анализ на исследуемую автором работы тему и на его основе предложить практические рекомендации по особенно неблагоприятным аспектам в области процедуры избрания и применения домашнего ареста.

Исходя из сформулированной цели, можно сформировать задачи исследования:

- изучить становление и развитие домашнего ареста начиная с исторического этапа его возникновения;
- предложить авторское понятие домашнего ареста, выявить его сущность;
- представить основания избрания рассматриваемой нами меры пресечения;
- выявить недостатки действующего законодательства и правоприменительной практики в сфере избрания, продления или изменения данной меры пресечения;
- сформулировать оптимальные методы решения правотворческих и правоприменительных проблем, которые были выявлены в процессе проведения исследования.

Структура работы состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Глава 1 Общая характеристика домашнего ареста как меры пресечения: теоретико-правовой аспект	7
1.1 История становления и развития домашнего ареста как меры пресечения в Российском уголовном процессе	7
1.2 Понятие и сущность домашнего ареста в современном российском уголовном процессе	15
Глава 2 Процессуальные особенности избрания домашнего ареста: законодательное регулирование и правоприменительная практика	24
2.1 Основания избрания домашнего ареста как меры пресечения	24
2.2 Процессуальный порядок избрания домашнего ареста	31
Глава 3 Проблемы процессуального регулирования и практики продления, изменения и отмены меры пресечения в виде домашнего ареста	40
3.1 Продление домашнего ареста: основание, порядок и проблемы исчисления сроков	40
3.2 Особенности изменения и отмены домашнего ареста	46
Заключение	53
Список используемой литературы и используемых источников	57

Введение

Актуальность исследования.

Основной закон нашей страны закрепляет высшей ценностью права и свободы человека, а их «призвание, соблюдение и защита является обязанностью государства» [32]. Но, законные интересы других лиц так же должны быть защищены, и в целях такой защиты права и свободы человека могут быть ограничены. Одна из мер, которая ограничивает права человека, и является предметом рассмотрения данного исследования-это домашний арест.

Еще одной мерой пресечения, связанной с ограничением прав, является заключение под стражу.

На сегодняшний день возникает необходимость пересмотреть уголовно-процессуальные нормы, регулирующие спорные отношения и по возможности решить выявленные, в связи с этим проблемы правовой регламентации и практического применения домашнего ареста, поскольку меры пресечения являются главным способом ограничения права и свобод обвиняемых, обеспечивающих их правомерное поведение в ходе проведения расследования.

В связи с чем тема выпускной квалификационной работы является актуальной, поскольку от правильного выбора судом меры пресечения зависит соблюдение прав обвиняемого (подозреваемого).

Обязательным условием для избрания обвиняемому меры пресечения, связанной с ограничением прав, должна являться невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения. В противном случае незаконный выбор судом меры пресечения приводит к нарушениям прав обвиняемых, нарушениям норм права, и в итоге к признанию незаконными судебных актов.

Степень разработанности исследования. Вопросами становления, развития и избрания меры пресечения в виде домашнего ареста занимались такие авторы, как Е.В. Гусельникова, В.В. Климов, Х.М. Лукожев, П.И. Люблинский, А.В. Миронова и другие.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие по поводу применения к лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления, меры пресечения в виде домашнего ареста.

Предмет – нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующие вопросы избрания, продления, изменения и отмены меры пресечения в виде домашнего ареста, практика применения данных норм и представленные в научной литературе подходы, затрагивающие исследуемую тему.

Цель исследования – провести комплексный анализ на исследуемую автором работы тему и на его основе предложить практические рекомендации по особенно неблагоприятным аспектам в области процедуры избрания и применения домашнего ареста.

Исходя из сформулированной цели, можно сформировать задачи исследования:

- изучить становление и развитие домашнего ареста начиная с исторического этапа его возникновения;
- предложить авторское понятие домашнего ареста, выявить его сущность;
- представить основания избрания рассматриваемой нами меры пресечения;
- рассмотреть проблемный вопрос, касающийся указания в судебных актах при продлении мер пресечения конкретных оснований, обстоятельств, которые действительно повлекли бы изменение меры пресечения;
- выявить недостатки действующего законодательства и правоприменительной практики в сфере избрания, продления или изменения данной меры пресечения;
- сформулировать оптимальные методы решения правотворческих и правоприменительных проблем, которые были выявлены в процессе проведения исследования.

Теоретической основой исследования выступают труды ученых: Н.А. Андроник, Ю.Ю. Ахминовой, О.И. Даровских, О.Г. Ивановой, А.В. Квык и других.

Методологическую основу составляют: анализ литературы и законодательных актов, метод индукции и дедукции. В работе так же были применены частно-научные методы, среди которых метод юридического анализа, метод научного познания и другие.

Нормативной основой исследования выступают Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральные законы, судебная и правоприменительная практика по теме исследования.

Эмпирической базой исследования послужили материалы судебной практики за последние пять лет.

Дипломная работа состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика домашнего ареста как меры пресечения: теоретико-правовой аспект

1.1 История становления и развития домашнего ареста как меры пресечения в Российском уголовном процессе

Домашний арест является альтернативной мерой пресечения, то есть мерой, которая может быть избрана судом как замена заключению под стражу.

Ученые разделяют историю появления и применения домашнего ареста на несколько периодов. Ю.Г. Овчинников и В.Л. Светочев [1, с. 24] в качестве основного критерия сформировали особенности правового регулирования применения домашнего ареста. Рассмотрим предложенную ими периодизацию.

I период берет свое начало в IX веке и заканчивается в 1832 году. Его называют обвинительно-розыскным, в нем отсутствует исследуемая нами мера пресечения.

Ю.Г. Овчинников в своей работе первое упоминание о домашнем аресте относит к 17 веку: «те, кто были знатного происхождения, к ним приставляли пристава для надзора. При этом поднадзорные находились у себя в жилище и не имели права покидать его пределы» [40, с. 21].

«На данном периоде в результате объединения русских земель и борьбы за национальную независимость формируются предпосылки для систематизации правовых установлений и создания единого общегосударственного свода Законов-Судебника 1497 г. Представители власти не участвуют при производстве следственных действий. Судопроизводство не разделялось на гражданское и уголовное и осуществлялось по единым правилам. В виду того, что государство не вмешивалось в следственную деятельность, необходимость к принуждению отвечающей стороны законодательного закрепления не получила» [53, с. 86].

Исследователи отмечают, что «как можно более быстрому составлению первых правовых сводов – Судебника 1497 и 1550 годов Ивана IV и Соборного уложения 1649 г. Алексея Михайловича способствовала потребность в систематизации и кодификации многочисленных правовых актов в тот период» [35, с. 26].

В рассматриваемый период образовалась потребность претворения со стороны государственных органов досудебной деятельности. Тогда же появляется и розыскной процесс, который применялся по тяжким преступлениям, таким как убийства или разбои.

II период был достаточно длительным, начиная свой отсчет с 1832 г. (с того момента, когда домашний арест только закрепился в Своде законов Российской империи, и продолжаящим свое действие по октябрь 1917 года).

Ученые верно подметили, что «применение домашнего ареста или полицейского надзора допускалось при обвинении в совершении менее опасных преступлений, наказанием за которые являлось тюремное заключение на конкретно-определенный срок» [30, с. 23]. В 1857 г. в связи с изданием 15 августа 1845 г. в России Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и приведением в соответствие ему иных законодательных актов в Свод законов были внесены дополнения, согласно которым «... В домашнем аресте надлежало содержать обвиняемых в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы заключению и крепости, в смиренных домах или тюрьме» [15, с. 5].

В 1864 году был принят Устав уголовного судопроизводства (далее-УСС), внесший весомый вклад на данном этапе. Ю.Ю. Ахминова говорит о некорректности указания на то, что «впервые домашний арест был предусмотрен в Своде законов 1832 г., а затем в УУС» [13, с. 19].

Можно сказать, что авторы УСС считали необходимым вскользь упомянуть домашний арест среди иных применяемых мер.

Таким образом, вполне допустимы рассуждения о том, что составители Уставов видели необходимость в косвенном упоминании рассматриваемой нами меры пресечения относительно других применяемых мер.

Судебный устав содержал расширенные положения о домашнем аресте. Всего же этот законодательный акт упоминал о семи мерах пресечения. Соответствующие меры имели разную степень строгости. Самой мягкой считалось отобрание вида на жительство. Самой строгой – заключение под стражу.

Статьи 417-419 Устава регламентировали границы избрания соответствующих мер государственного принуждения, тем самым устраняя нестыковки предшествующего им Свода законов.

Если цитировать не дословно, то получится, что «Устав предписывал меру пресечения в виде содержания под стражей, которая считалась высшей по строгости, применять к обвиняемым в проступках или преступлениях, за которые обвиняемому полагалась лишь определенное из числа прямо перечисленных в Уставе видов наказаний (например, если обвиняемому грозила ссылка на поселение, то он мог быть заключен под стражу, или если, к примеру, лицо обвинялось в преступлении, за которое следовало наказание в виде содержания в рабочем доме – его также возможно было взять под стражу и т.д.)» [13, с. 9].

Основной ориентацией специалиста правоведа в тот временной период являлась строгость наказания, когда лицу избиралась та или иная мера пресечения. Как считали некоторые специалисты, домашний арест весьма нечасто применялся судьями, по той причине, что он во многом оказался схож с полицейским надзором, а еще потому, что не хватало надзирателей [53, с. 86].

Мало того, по наблюдению одного из правоведов того времени, домашний арест по сути подвергся упразднению в исследуемый период, поскольку по факту к этой мере пресечения правоприменитель практически не

обращался (1898 г. – 2 домашних ареста, 1889 г. – ни одно лицо не помещалось под домашний арест) [36, с. 372].

Итак, в исследуемый период времени домашний арест получил закрепление в качестве одной из мер пресечения. Он рассматривался в качестве возможного замещения другой меры пресечения – заключения под стражу. Формируется правоприменительная практика относительно домашнего ареста. Последняя указывает на привилегированность этой меры пресечения.

III период – длится порядка 43 лет и ведет отсчет от Октябрьской революции 1917 г., а моментом своего окончания имеет дату вступления в силу одного из кодифицированных уголовно-процессуальных актов советского периода (УПК РСФСР 1960 г.).

Одним из первых нормативных документов, принятых новой большевистской властью, стал, как известно, Декрет о суде (1917 г.). Декрет какого-либо упоминания о соответствующих мерах государственного принуждения не содержал. Цель его издания заключалась в том, чтобы ликвидировать определенные, перечисленные в Декрете, виды судов и судебных инстанций. Отныне суды должны были формироваться на базе выборов. Местные судьи обязаны были каждый в одиночку вести следствие. Декретом устанавливалось правило, по которому весь мировой суд должен был санкционировать путем принятия постановления судебный акт, вынесенный одним мировым судьей, о задержании и передаче лица суду.

Анализируемый нормативный акт каких-либо указаний о возможности повергнуть лицо домашнему аресту не содержал. Однако, как это уже было отмечено выше, требовалось постановление всего мирового суда для инициирования предпринимаемого одним мировым судьей задержания гражданина и его предания суду.

Советская власть не ограничилась принятием Декрета 1917 г., и в следующем - 1918 г. - она издает аналогичный Декрет о суде. В новом Декрете о суде предписывалось рассматривать гражданские, а также уголовные дела,

опираясь на положения дореволюционных судебных уставов 1864 г. (один Устав – по гражданским делам, другой – по уголовным) Объяснялось такое решение тем, что требования Уставов 1864 г. отвечали правосознанию класса трудящихся и официально еще не отменялись новой советской властью.

Почему или чем руководствовался суд, отменяя тот или иной устарелый, буржуазный правовой акт – на это суду предписывалось указывать в принимаемом им решении или приговоре.

Известно, что 1922 г. ознаменовался изданием УПК РСФСР. Данный нормативный акт, по сути, произвел политический переворот в уголовном судопроизводстве и явился первым такого рода документом, принятым после прихода к власти большевиков. Лицо, к которому применялся домашний арест, обязано было находиться дома. При этом такая его изоляция от общества могла проходить как в условиях приставления к «изолированному» стражи, так и без таковой. Относительно того, что следовало бы считать домом при избрании домашнего ареста, от законодателя не поступало никаких объяснений. Видимо, речь могла идти о помещении, где проживало лицо, к которому данная мера пресечения была применена, и при этом его изоляция в этом помещении предполагала невозможность без санкции следователя уходить из помещения кроме уважительных к тому поводов (на работу, например).

Тогда, когда к лицу не приставлялась стража (бесстражный домашний арест), оно вправе было в определенных временных рамках находиться вне своего жилища (места домашнего ареста).

Интересно мнение Е.В. Марковичевой. Она пишет в своей работе, что «посредством принятия УПК РСФСР законодатель попытался соответствующую меру пресечения сделать комплексной. Т.е. эта мера подразумевала не только собственно изоляцию, но и была отмечена для лица другими ограничениями. Также она пишет, что в практическом плане следственные органы очень редко обращались к домашнему аресту. Если домашний арест к кому и применялся, то это были в основном подростки.

Подростки, находящиеся под домашним арестом, вправе были до наступления вечера покидать свое жилище, а вечером - нет, оставаясь дома еще и под присмотром родителей. Эта мера пресечения – по словам того же исследователя – по факту перестала существовать где-то к 30-почемум годам XX века» [37, с. 4].

Просуществовав более тридцати лет, на смену рассмотренному уголовно-процессуальному закону приходит следующий кодифицированный уголовно-процессуальный акт (УПК РФСФР 1960 г.), в котором, впрочем, анализируемая нами мера пресечения совсем не фигурировала.

Резюмируя изложенное отметим, что исследуемая нами пресечения существовала в то время в начальном виде, такие доводы мы можем наблюдать у разных ученых, например, Е.В. Гусельникова анализируя опыт внедрения домашнего ареста в период с 1922 по 1926 годы указывала, что, «существование данной меры пресечения в зачаточном состоянии требовало от законодателя ее глубокого переосмысления, выстраивания конкретных форм ее применения и надзорных полномочий за порядком ее исполнения» [19, с. 10].

IV период – период судебной-правовой реформы 1990-2001 гг.

В научной литературе содержится крайне мало информации по развитию рассматриваемой нами меры пресечения на данном этапе. В.А. Светочев его совсем не выделял, в связи с отсутствием в нем законодательного закрепления порядка применения домашнего ареста.

В тот период была актуальной оперативная деятельность по подготовительным мероприятиям к утверждению уголовно-процессуального законодательства, существующего на современном этапе.

На данном этапе начинается активная подготовка к разработке и принятию УПК РФ. Одни ученые видели в домашнем аресте нестрогую изоляцию обвиняемого от общества, заключающуюся в изоляции в жилом помещении с применением ряда ограничений, например, полного или частичного запрета на выход из жилища. Б.Б. Булатов напротив считал, что

применение домашнего ареста как меры пресечения повлечет за собой организационные издержки и невозможность лица осуществлять трудовую деятельность» [1, с. 28].

V период – действие УПК РФ 2001 г.

В 2001 г. утверждается УПК РФ, и именно с его принятием ученые связывают пятый период развития рассматриваемой нами меры пресечения.

Но, поскольку на тот момент существовали определенные проблемы в нормативном регулировании, были ограничены технические возможности для проведения статистической отчетности по исполнению на практике домашнего ареста, данная мера пресечения применялась довольно редко.

«Впервые в Российской Федерации домашний арест стал применяться только в 2004 г. (838 случаев избрания данной меры пресечения). Этот показатель незначительно снизился в 2005 г. (518), в 2006 г. – возрос (829 случаев)» [13, с. 19].

Закон приняли, но в нем не был указан орган, который бы обеспечивал исполнение домашнего ареста, и ничто не гарантировало успешность применения данной меры. Как следствие, контролировать исполнение в тот период могли и приставы, и милиция, и даже органы местного самоуправления.

Проявление внимания к альтернативным мерам пресечения, в частности, к домашнему аресту появилось после объявления в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 12 ноября 2009 г. курса на либерализацию уголовно-правовой системы России [48].

С 2011 года после принятия Федерального закона органом, ответственным за исполнение исследуемой нами меры пресечения стала Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН) [55].

Большие изменения по ужесточению данной меры пресечения произошли после принятия в 2018 году Федерального Закона, которым были внесены изменения в УПК РФ [54].

Проведя анализ статистической информации по избранию районными

судами мер пресечения за 2022 год, автор работы приходит к выводу, что довольно большой процент ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суды удовлетворяют. Так, «в 2022 году рассмотрено по существу 8,5 тыс. (в 2021 г. - 7,8 тыс.) ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, из них удовлетворено почти 7,4 тыс. (в 2021 г. - 6,8 тыс.). Кроме того, судом избран домашний арест в отношении 3,4 тыс. (в 2021 г. - 3,5 тыс.) лиц по результатам рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также в отношении почти 1,7 тыс. лиц (в 2021 г. - 1,6 тыс.) по результатам рассмотрения ходатайств о продлении срока содержания под стражей. А также судом применен домашний арест как замена других мер пресечения в период нахождения дела в судебном производстве в отношении более 1,4 тыс. лиц (в 2021 г. - 1,3 тыс.)» [51].

Из приведенной информации следует, что число рассмотренных судами материалов об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей за 2022 год увеличилось по сравнению с 2021 годом, а также увеличилось количество в 2022 году применения судом домашнего ареста в качестве замены других мер пресечения.

Из этого следует, что, рассматривая ходатайства предварительного следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, судьи стали чаще выносить судебные акты об избрании домашнего ареста.

Подводя итоги по параграфу, отметим, что судебная практика по назначению рассматриваемой нами меры пресечения, начала проявлять себя с 1898 года, когда было всего 2 случая ее применения. В Российской Федерации домашний арест стал применяться только с 2004 г. В настоящее время указанная мера становится все более распространенной, так, с 2004 года по состоянию на 2024 год количество вынесенных судом постановлений увеличилось многократно.

1.2 Понятие и сущность домашнего ареста в современном российском уголовном процессе

Если взять все существующие в настоящее время меры пресечения, то анализируемая нами займет по строгости второе место.

Обращаясь к ст. 107 УПК РФ сформулируем понятие домашнего ареста: «это мера пресечения, избираемая судом в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключающаяся в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля».

Исследователи дискутируют на тему того, возможно ли лицу, к которому применена мера пресечения, являющаяся предметом рассмотрения нашей работы, покидать жилую площадь.

Многие процессуалисты придерживаются точки зрения, что при домашнем аресте наступает полная изоляция от общества обвиняемого, и считают, что данное утверждение неопровержимо.

Ю.О. Челпанова называет домашний арест мерой пресечения, представляющей собой полную изоляцию подозреваемого или обвиняемого [56, с. 77]. Н.Н. Апостолова также уточняет, что «домашний арест состоит в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества в жилом помещении или лечебном учреждении, без существовавшей ранее оговорки о «полной или частичной» изоляции» [12, с. 23]. Т.К. Рябинина и Д.Е. Снегирева учитывают внесенные изменения в УПК РФ и определяют домашний арест «как полную изоляцию обвиняемого (подозреваемого) от общества в пределах территории жилого помещения» [50, с. 25].

А.В. Квык приходит к выводу, что, «если обвиняемому будет позволено покидать жилое помещение, то не произойдет реализация назначения меры

пресечения в виде домашнего ареста. И в данном случае возникнет ее конкуренция с мерой пресечения в виде запрета определенных действий и запретом на выход за пределы жилого помещения в определенные периоды времени» [30, с. 184].

С точки зрения В.Н. Гапоновой, «в настоящее время, когда сущность домашнего ареста состоит в максимальной изоляции обвиняемого с сохранением права проживать в его жилище, разрешение судом обвиняемому покидать место проживания не основано на законе» [17, с. 43]. Солидарен с ее мнением и Д.А. Воронов [14, с. 21].

По мнению Н.А. Андроник, «домашний арест – это строгая мера пресечения, избираемая по судебному решению в отношении обвиняемого, осуществляемая для обеспечения целей уголовного судопроизводства, состоящая в изоляции от общества, с правом проживать в жилище, с осуществлением контроля за обвиняемым и возложением на него запретов» [1, с. 25].

С момента введения Федеральным законом № 72 [49] новой меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), мера пресечения в виде домашнего ареста была ужесточена законодателем и стала подразумевать полную изоляцию обвиняемого от общества. Однако, проанализировав судебную практику, мы сталкиваемся в настоящее время с тем, что частичная изоляция при применении данной меры пресечения, до сих пор окончательно не искоренена.

Так, «судом первой инстанции обвиняемому была установлена ежедневная прогулка продолжительностью один час. В суде апелляционной инстанции обвиняемый П. и адвокат Добежина О.В., посчитав, что одного часа в день недостаточно для прогулки, просили постановление суда отменить и избрать меру пресечения в виде запрета определенных действий либо увеличить продолжительность ежедневных прогулок.

Суд апелляционной инстанции признал, что оснований для установления обвиняемому времени для прогулки за пределами жилого помещения у суда

первой инстанции не имелось, однако, постановление суда первой инстанции оставил без изменения» [5].

Право обвиняемого на ежедневную прогулку продолжительностью 1 час содержится в Законе № 105-ФЗ, поэтому, между правоприменителями имеет место дискуссия, распространяет ли свое действие данная норма на обвиняемых, которые находятся под домашним арестом.

Например, вот в этом деле суд апелляционной инстанции указал, что: «Установленная судом первой инстанции обвиняемому П. продолжительность прогулки под домашним арестом в течение часа с 11 до 12 часов ежедневно не противоречит п. 11 ст. 17 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», которым предусмотрено право подозреваемого и обвиняемого пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа» [6].

Между тем, Конституционный суд при рассмотрении жалобы И.Г. Коленцевой об оспаривании конституционности ст. 107 УПК РФ связанной с отказом в предоставлении обвиняемой допустимости отводить своего ребенка в школу, отметил, что «положения статьи 107 УПК Российской Федерации, не предоставляют в актуальной редакции подозреваемому и обвиняемому право покидать жилое помещение, и хотя домашний арест связан с принудительным пребыванием в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения трудовых или служебных обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с широким кругом лиц, т.е. с ограничением самого конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, а значит, в его отношении сохраняет силу правовая позиция, выраженная в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П, о необходимости применения таких мер пресечения, как домашний арест и заключение под стражу, с соблюдением гарантий этого права, принципов юридического равенства и формальной определенности правовых норм, справедливости и соразмерности устанавливаемых судом ограничений, тем не менее, схожесть

соответствующих гарантий не означает идентичности условий применения домашнего ареста и заключения под стражу, поскольку право на свободу и личную неприкосновенность они ограничивают по разному» [41].

Несмотря на внесенные в 2018 году ФЗ № 72 изменения в УПК РФ в настоящее время правоприменительная практика в области назначения полной либо частичной изоляции обвиняемого является спорной. Считаем, что все же обвиняемый должен иметь право краткосрочного выхода из жилого помещения для удовлетворения потребностей, связанных с правом человека на жизнь и здоровье. Полагаем необходимым возложить не на суд, а на контролирующий орган предоставление обвиняемому данной возможности.

Иначе, выходит, что возможность совершать ежедневную прогулку есть даже у тех обвиняемых, которые содержатся под стражей, то есть более строгая мера пресечения предоставляет такое право, а домашний арест ее исключает.

Еще одним дискуссионным вопросом, на который необходимо найти ответ является правильность определения судом жилого помещения, в котором будет находиться обвиняемый при избрании ему домашнего ареста.

Уголовно-процессуальный закон понимает под жилищем «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания» [53].

Если толковать уголовно-процессуальный закон в буквальном смысле, то можно заметить, что лицо обязано находиться в жилище на основаниях, указанных в законе. Законодатель, между тем, не разъясняет, что понимать под «иными законными основаниями» проживания.

По мнению А.В. Мироновой «должностное лицо должно совершить целый ряд действий, направленных на установление реальности проживания

лица по месту регистрации: провести осмотр жилого помещения, допросить соседей и т. д.» [38, с. 106].

Ряд ученых напротив полагают, что «мнение лиц, которые проживают вместе с лицом, не должно учитываться судом при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, так как это не затрагивает права и свободы этих лиц» [16, с. 2].

Верховный суд в Постановлении разъяснил, что «хотя лица, которые проживают совместно с обвиняемым (подозреваемым), не привлекаются должностным лицом для получения их согласия на установление указанных ограничений, связанных с пребыванием субъекта под домашним арестом в их общем жилом помещении, они вправе обжаловать судебное решение об избрании домашнего ареста в виде меры пресечения, при наличии доказательств, что ее исполнение затрагивает их права и законные интересы» [45].

«Ограничения и запреты, связанные с общением с конкретными лицами, могут быть связаны с тем, что обвиняемый будет угрожать другим лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве по делу, а также устанавливать контакт с соучастниками, доложит им конфиденциальную информацию. Все это помешает расследованию и рассмотрению уголовного дела по существу» [44, с. 166].

В судебной практике встречаются случаи, когда местом нахождения обвиняемому была определена квартира его брата. Суд в постановлении указал, что «определение данного жилого помещения в качестве места домашнего ареста не нарушает конституционные права собственника жилого помещения - М., который, являясь братом обвиняемого М., подтвердил свое согласие на проживание М. по данному адресу в поданном заявлении, и не будет препятствовать проведению следственных действий в связи с незначительной удаленностью жилого помещения от места проведения предварительного расследования» [7].

Проанализировав судебную практику отмены постановлений, отметим,

что согласие собственника жилого помещения, в котором содержится обвиняемый важно и необходимо. Приведем пример отмены судом постановления об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в виду того, что «судом нижестоящей инстанции было оставлено без внимания то обстоятельство, что представленные ФИОЗ материалы не содержат сведений о собственнике жилья, в котором ему определено находиться во время домашнего ареста. Не представлены эти сведения и в суд апелляционной инстанции. Так же суд не проверил основания проживания в нем лица, давшего свое согласие на проживание ФИО, является ли он собственником, нанимателем или проживает на иных законных основаниях. Кроме того, суд первой инстанции не привлек к участию в судебном заседании собственника жилья, если он проживает в том помещении, в котором предполагается нахождение ФИОЗ во время домашнего ареста, а также фактически не получил на это его согласие» [8].

В связи с этим считаем, что необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 107 УПК РФ дополнив ее указанием на необходимость проверки судом сведений о лице, являющимся собственником жилого помещения, в котором подозреваемому или обвиняемому определено находиться во время домашнего ареста.

Проблематичным вопросом, на который нет однозначного ответа у ученых-правоведов, ставится задача по установлению на обвиняемого запретов и ограничений.

В.В. Климова считает, что «суду надлежит перечислять в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, лиц, с которыми обвиняемому установлен запрет на общение» [31, с. 245]. Исследователь очень верно подметила, и мы с ней соглашаемся, поскольку, очевидно, что если не реально провести идентификацию лица, то неограниченное количество лиц будет подпадать под данный запрет.

На практике в большинстве случаев суды возлагают на обвиняемых указанные ограничения. Например, по одному из анализируемых нами дел суд

установил, что: «учитывая обстоятельства инкриминируемых деяний, представленные прокурором в суде кассационной инстанции, сведения об оказании давления на свидетелей, суд приходит к выводу о наличии достаточных и разумных оснований полагать, что ФИО1, находясь вне изоляции от общества, может оказать давление на свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, под угрозой назначения наказания, скрыться от суда и таким образом воспрепятствовать производству по делу.

Установить ФИО1 следующие запреты:

- общаться с лицами, проходящими по уголовному делу в качестве подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, потерпевших и свидетелей;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления за исключением отправки письменных заявлений, жалоб в правоохранительные органы и органы государственной власти, получения повесток и других процессуальных документов, ответов по своим обращениям в правоохранительные органы и органы государственной власти;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; при этом подсудимый вправе использовать телефонную связь для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом и судом; о каждом таком звонке обвиняемый обязан информировать контролирующий орган» [31].

Суд уполномочен так же отменить или изменить ранее наложенные на обвиняемого запреты, например, по одному из дел суд решил: «Постановление Бахчисарайского районного суда Республики Крым от 13 октября 2023 года в отношении ФИО1 – изменить. Исключить из запретов, установленных судом ФИО1 «не покидать без разрешения органа предварительного следствия пределы домовладения, расположенного по адресу: «адрес», за исключением случаев обращения за скорой медицинской помощью» в связи с тем, что пунктами 3-5 части шестой статьи 105.1 УПК РФ такой запрет как «не

покидать без разрешения органа предварительного следствия пределы домовладения, за исключением случаев обращения за скорой медицинской помощью» не предусмотрено [9].

Приведенный пример аргументирует, что не все суды и не во всех случаях полностью изолируют обвиняемого от других социальных групп.

Существует еще одно ограничение, и связано оно с пересылкой почтовой корреспонденции.

Ученые солидарны в том, что «органы, исполняющие решения суда направляют выписку из решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в организацию почтовой связи по месту жительства обвиняемого. При этом данное действие не влечет за собой для отделения почтовой связи обязанности сообщать информацию о поступившей в адрес обвиняемого корреспонденции органу, который данную выписку направил» [21, с. 134].

К тому же, кроме организации «Почта России» существуют и другие службы, занимающиеся получением и отправкой корреспонденции, такие как, DHL, СДЭК и другие, в которых невозможно будет отследить получение подозреваемым (обвиняемым) корреспонденции.

Еще одна мера запретительного характера это запрет на использование средств связи и сеть «Интернет». Здесь так же суду следует конкретизировать, в чем именно будет ограничено обвиняемое лицо, находящееся под домашним арестом.

С позиции А.В. Квык «невозможно определить, какие именно действия обвиняемый будет осуществлять за компьютером, так как благодаря Wi-fi можно подключиться к интернету из любого участка помещения, потому реализация запретов и ограничений, связанных с использованием системы «Интернет» не будет обеспечена» [30, с. 55].

Автором работы были выявлены проблемы, существующие в теории и в судебной практике, осложняющие правоприменение и ведущие к принятию судами решений, неточно отражающих смысл норм, регламентирующих

применение меры пресечения в виде домашнего ареста.

Например, имеет место проблема режима изоляции обвиняемого от общества, возможностью обвиняемого покидать жилое помещение, в котором он находится при избрании судом данной мере пресечения.

Рассмотрев примеры из судебной практики, позиции ученых, считаем, что обвиняемый должен иметь право краткосрочного выхода из жилого помещения для удовлетворения потребностей, связанных с правом человека на жизнь и здоровье. Полагаем необходимым возложить не на суд, а на контролирующий орган возможность обеспечить обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, право на совершение ежедневной прогулки.

Вторым спорным вопросом является вопрос предоставления жилого помещения, в котором будет находиться обвиняемый при избрании судом меры пресечения в виде домашнего ареста.

На практике встречаются случаи отмены судом меры пресечения в виде домашнего ареста в связи с отсутствием в материалах дела сведений о собственнике жилья, в котором определено находиться обвиняемому во время домашнего ареста.

С целью недопущения подобных ситуаций считаем, что необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 107 УПК РФ дополнив ее указанием на необходимость обязательной проверки судом сведений о лице, являющимся собственником жилого помещения, в котором обвиняемый (подозреваемый) будет находиться во время домашнего ареста.

Подведем итог. На первый взгляд, мера пресечения, которую автор рассматривает в своей работе, обладает довольно широко ограничивает права обвиняемого. Но в тоже время она является более щадящей, если ее сравнивать, к примеру, с заключением под стражу. При избрании этой меры пресечения, у обвиняемого получится в большей степени воспользоваться реализацией своих прав на стадии предварительного расследования.

Глава 2 Процессуальные особенности избрания домашнего ареста: законодательное регулирование и правоприменительная практика

2.1 Основания избрания домашнего ареста как меры пресечения

Уголовно-процессуальный закон выделяет среди оснований для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следующую совокупность фактических данных, свидетельствующих о том, что подозреваемый (обвиняемый):

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать в адрес свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Что понимать под «иными» участниками, «иным» путем законодатель не раскрывает.

То есть, с одной стороны, для избрания домашнего ареста требуется доказать необходимость того, что обвиняемый нуждается в изоляции от других людей, с другой стороны, у надзирающего органа должна оставаться возможность следить за надлежащим поведением обвиняемого без помещения его в соответствующее учреждение УИС.

К неперенным условиям относится также невозможность избрания более мягкой меры пресечения.

Основания для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо установить суду при вынесении решения об избрании меры пресечения. Но возможно ли это объективно?

Исследовав примеры из судебной практики, автор работы подвел итог того, что судьи в процессуальных решениях об избрании мер пресечения бегло прописывают свои суждения о том, что «вероятно подозреваемый

скроется...», уничтожит доказательства и т.д., что впоследствии может нарушить права обвиняемого и привести к отмене процессуальных решений.

Так, Верховный Суд РФ пришел к выводу о допущенных судами нижестоящих инстанций нарушениях, связанных с тем, что мера пресечения была продлена без веских оснований и суд отказался избирать более мягкую меру пресечения, в частности домашний арест: «Принимая решение о необходимости продления срока содержания под стражей, суд сослался лишь на наличие оснований полагать, что Дадаш И.А. в случае изменения меры пресечения на не связанную с заключением под стражу, может скрыться от суда, чем воспрепятствовать производству по делу. При этом, суд указал, что учитывает данные о личности, состоянии здоровья, характер и обстоятельства предъявленного обвинения. Однако, какие конкретные данные о личности, о состоянии здоровья, какой характер и какие обстоятельства обвинения дают основание для такого вывода, в постановлении не приведены. Отсутствует и оценка оснований для вывода о наличии возможности скрыться.

Одновременно суд указал, что учитывает отсутствие судимостей, положительные характеристики, наличие постоянного места жительства и социальные связи.

Таким образом, решение суда о необходимости продления срока содержания под стражей нельзя признать законным и мотивированным, в связи с чем, судебный акт подлежит изменению, мера пресечения также подлежит изменению на домашний арест, который, по мнению Судебной коллегии, позволит обеспечить достаточные гарантии надлежащего поведения в период предстоящего судебного разбирательства» [2].

Подытожим, что суд безосновательно отказал в избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, суд не обосновал свои предположения, почему он посчитал, что подозреваемый может скрыться от суда.

Необходима аргументация и документальное подтверждение того, что обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда.

Для того, чтобы права обвиняемого не нарушались, чрезвычайно важным является учет судом в тот момент, когда он избирает ему меру пресечения, обращать внимание на данные, характеризующие обвиняемого с учетом его личных качеств, а не только перечислить общие основания, содержащиеся в УПК РФ.

По мнению другого исследователя: «в ст. 99 УПК РФ содержатся различные характеристики, которые должны учитываться судом при избрании меры пресечения, и в каждом конкретном случае эти обстоятельства могут между собой конкурировать, либо наоборот взаимно друг друга дополнять. Например, лицо совершило тяжкое преступление, однако, обстоятельства, характеризующие его личность, позволяют сделать вывод о том, что избранный в отношении него домашний арест будет оптимальной мерой пресечения. И, наоборот, имеют место ситуации, когда лицо, совершившее преступление средней тяжести обладает значительной совокупностью негативных личных качеств (судимость, антисоциальное поведение и т.п.), что избрание в отношении него данной меры пресечения видится явно нецелесообразным» [52, с. 92].

Рассмотрим случай из судебной практики. «Суд кассационной инстанции, рассмотрев судебные материалы по кассационной жалобе адвокатов, действующих в интересах обвиняемой, установил, что «при избрании обвиняемой меры пресечения в виде заключения под стражу, нижестоящий суд не принял во внимание возраст обвиняемой (65 лет), информацию о ее здоровье, столько долгий срок нахождения под стражей, в том числе незаконно, поведение после задержания, окончание предварительного расследования и переход производства по делу в стадию судебного разбирательства» [23]. Суд ссылается также на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, сводящуюся к тому, что подсудимый, который находится под стражей и является человеком преклонного возраста, имеющим заболевания, не сможет присутствовать в судебном заседании, то есть не сможет реализовать свои процессуальные

права в полной мере. Также согласно информации филиала "Медицинская часть № 6" обвиняемая состоит на диспансерном учете в связи с заболеваниями». Судом кассационной инстанции мера пресечения обвиняемой была изменена на домашний арест.

Обобщая сказанное, заметим, что, несмотря на тяжесть обвинения в приведенном примере суд вышестоящей инстанции учел преклонный возраст и заболевания обвиняемой.

Приведем еще один пример, когда суд при избрании меры пресечения исходил из одной лишь тяжести инкриминируемых обвиняемой преступлений, что является неприемлемым.

В одном из судебных дел «суд первой инстанции не привел достоверные сведения о воспрепятствовании либо о возможности воспрепятствования производству по делу, основываясь лишь на предположениях, суд также не выполнил обязательные требования уголовно-процессуального закона.

Кроме того, оставляя данное ходатайство стороны защиты об изменении меры пресечения на иную более мягкую, в виде домашнего ареста, без удовлетворения, суд не привел основанных на обстоятельствах дела убедительных мотивов, по которым цели уголовного судопроизводства не могут быть достигнуты посредством применения иной, чем содержание под стражей, более мягкой меры пресечения. Суд первой инстанции не учел, что обвиняемая имеет регистрацию в <адрес>, проживает с мужем и двумя несовершеннолетними детьми, один из которых является малолетним, она не намеревается скрываться от суда, о чем сама обвиняемая пояснила в судебном заседании. В материалах дела каких-либо доказательств о намерении К.А.А. скрыться, покинув пределы проживания <адрес> не имеется» [26]. Решения судов нижестоящих инстанций были изменены, мера пресечения обвиняемой была изменена на рассматриваемую в нашей работе меру пресечения в связи с тем, что данная мера может обеспечить надлежащее поведение пока длится судебное разбирательство.

По мнению И.М. Горбатовых, и мы соглашаемся с ним, «основания

избрания меры пресечения в виде домашнего ареста можно классифицировать на две большие группы:

1. уголовно-правовые (фактические) основания, которые выражаются в наличии уголовно-правовых признаков, таких как:
 - установление факта совершения преступления и его квалификация;
 - наличие лица, причастного к совершению преступления;
 - достижение лицом возраста наступления уголовной ответственности;
 - наличие состояния вменяемости.
2. процессуальные основания:
 - лицо приобретает статус подозреваемого или обвиняемого;
 - есть доказательства, подтверждающие причастность данного лица к совершению преступления;
 - наличие доказательств, подтверждающих высокую вероятность наступления последствий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ» [18, с. 57].

Правовед говорит о высокой вероятности наступления последствий.

Задача допустимости последствий, которые предусмотрены ст. 97 УПК РФ, и которые могут наступить является дискуссионным среди процессуалистов. Так, О.Г. Иванова указывает, что «когда речь идет о наступлении последствий, то мы говорим о будущем поведении лица. У субъекта доказывания должно сформироваться доказанное подозрение о том, что обвиняемый с высокой долей вероятности настроен на совершение нового преступления. Специфика доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом заключается именно в прогнозировании следователя, суда; в том, что вывод всегда вероятностный. Главная сложность при принятии судом решения об избрании меры пресечения представляет собой предугадывание поведения обвиняемого в будущем» [22, с. 40].

По мнению другого процессуалист «риски, выступающие в качестве основания для применения мер пресечения, носят вероятностный характер,

полностью их исключить либо доказать неизбежность их наступления возможно только в редких случаях» [29, с. 38].

Еще одним основанием можно назвать предположение о том, что со стороны обвиняемого предстоит попытка противостоянию того, что по делу проводилась работа следователя.

В качестве противостояния можно назвать действия обвиняемого, нарушающие закон, классифицирующие себя как схватка вопреки следственной работе, совершенная путем сокрытия совершенного преступления.

Приведем более конкретно действия, которые могут быть совершены обвиняемым с целью борьбы с проведением производства по уголовному делу.

«Соккрытие преступления – это составная часть противодействия производству по уголовному делу, которая выражается в следующих действиях:

1. Утаивание информации и (или) ее носителей. При данном действии обвиняемого следователь остается в неведении относительно тех или иных обстоятельств, которые необходимы для установления подлинности по уголовному делу.

2. Уничтожение следов. Этот способ сокрытия преступления можно подразделить в зависимости от направленности на уничтожение следов преступления либо следов преступника.

3. Маскировка. При данном способе у обвиняемого есть цель изменить представление о способе совершения преступления, личности виновного, назначении объектов, например, изменение внешнего вида субъекта преступления.

4. Фальсификация. При данном способе даются ложные показания, совершается инсценировка преступления, искажение следов.

Комбинированным способом фальсификации является ложное алиби. Информационная сущность алиби при расследовании преступлений (заявленное на допросе алиби) характеризуется как доказательство

невиновности только в том случае, если действительность заявленного алиби подтверждена произведенной проверкой» [1, с. 89].

Подведем итоги написания первого параграфа второй главы.

Изучив суждения ученых процессуалистов по вопросу оснований для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, рассмотрев материалы судебной практики, сделаем выводы.

Проведя анализ источников, можно заключить, что в УПК РФ содержатся погрешности касающиеся основания избрания домашнего ареста как меры пресечения:

- в части подтверждения факторов, свидетельствующих о том, что обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью.

Все это является лишь предположением о том, что обвиняемый в будущем может совершить противоправные действия.

Подвергнув анализу ряд судебных дел, сделаем вывод о том, что в большинстве случаев у суда отсутствуют явные факты, которые могли бы подтвердить данные предположения. В связи с чем, суд принимает судебные акты, которые суд вышестоящей инстанции вскоре отменяет;

- обвиняемый может воспрепятствовать производству по уголовному делу иным путем. Что считать под «иным» путем законодатель не раскрывает. Поэтому опять же, у суда возникают определенные сложности с выбором меры пресечения, что также на практике часто приводит к нарушениям прав обвиняемых, нарушений норм права, и в итоге к признанию незаконными судебных актов.

Большую проблему представляет то, что суды при принятии решений об избрании меры пресечения поверхностно указывают свои предположения о том, что «подозреваемый может скрыться...», уничтожит доказательства и т.д., что приводит к нарушениям прав обвиняемых и отмене процессуальных решений.

В процессуальных актах отсутствует реальная информация, характеризующая индивида, информация о состоянии здоровья обвиняемого. В большинстве своем судьи ориентируются лишь на тяжесть обвинения, и, исходя из этого выносят решение об избрании меры пресечения.

Суд не может знать, совершит в будущем обвиняемый еще одно преступление или нет. Суд ориентируется в этом плане лишь на вероятность совершения. В таком случае суду стоит принимать решение с учетом неопровержимых доказательств, которые удостоверяют в том, что обвиняемый действительно может скрыться от следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, иным образом воспрепятствовать установлению истины по делу, уклониться от исполнения приговора.

В связи с чем предлагаем законодателю внести изменения в части разъяснения (толкования) нормы права, а именно статьи 99 УПК РФ: «судам при принятии решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в решении надлежит прописывать сведения о личных данных обвиняемого с приложением медицинских карточек». Это все будет иметь большой вес для правильного избрания меры пресечения.

В качестве рекомендации можем указать на содержание в судебном акте обоснования, по какой причине суд счел, что обвиняемый уйдет от следствия, и подтвердить это соответствующими аргументами.

Так же есть необходимость содержания в судебном акте тезиса, обоснования, свидетельствующих о том, что в случае применения иной, более мягкой меры пресечения, цели уголовного судопроизводства не будут достигнуты.

2.2 Процессуальный порядок избрания домашнего ареста

Среди процессуалистов нет единой позиции по количеству стадий производства, применяемых при избрании домашнего ареста как меры пресечения

Одни ученые, например, О.В. Химичева и Ю.Б. Плоткина предлагают порядок избрания домашнего ареста, регламентированный нормами права, который складывается из следующих стадий: избрание органами предварительного расследования, избрание судом.

Процессуалист О.Г. Иванова подразделяет весь этап производства по избранию меры пресечения на три этапа: «в первоочередном порядке следователь систематизирует материал, затем передает его для утверждения вышестоящему руководителю или прокурору. Далее материал с ходатайством следователя направляется в суд» [22, с. 40].

Судье для рассмотрения материалы должны поступить не менее чем за 8 часов до истечения срока задержания.

После регистрации материала в журнале, в котором фиксируется вся корреспонденция, дело не позже восьми часов после его поступления в суд рассматривается судьей.

Конституционный суд высказывая свою позицию по данному вопросу, поясняет:

- правовые и фактические основания в обязательном порядке должны быть исследованы судом перед избранием меры пресечения, иначе не будет как таковых оснований ее избирать;
- у обвиняемого должно быть право довести до суда свою позицию;
- не допускается произвольного либо формального решения вопроса о заключении под стражу;
- несмотря на то, что сторона обвинения и сторона защиты приводят свои обстоятельства, суд свое решение должен принимать на основе самостоятельной оценки.

На втором этапе адвокат знакомится с поступившими материалами.

В законодательстве не содержится информации о том, какими полномочиями обладает адвокат в плане ознакомления с материалами, переданными в суд, перед тем как судья будет решать вопрос об избрании меры пресечения.

С большой степенью вероятности материалы дела содержат информацию о личных отношениях участников, свидетельские показания, которые подтверждают причастность лица к преступлению, в котором его обвиняют.

На текущий момент среди ученых и практикующих специалистов не до конца ясным и противоречивым остается вопрос получения адвокатом и его подзащитным объема информации, которая бы указывала и обосновывала избрание обвиняемому определенной меры пресечения, поскольку существует риск того, что после ознакомления адвоката с материалами, которые находятся в суде, существует риск того, что поступившая ему информация будет использована с намерением противодействовать расследованию преступления.

Верховный суд Российской Федерации считает, что ходатайство стороны защиты и его подзащитного, на основании которого они хотят ознакомиться с материалами об избрании меры пресечения, должны быть удовлетворены. Однако действующие Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. Постановлений Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23, от 11 июня 2020 г. № 7) «О практике применения судами 107 УПК РФ» отсутствуют нормы, содержащие право адвоката и его подзащитного изучать материалы, представленные в суд следователем с заявлением об избрании меры пресечения. В связи с изложенным считаем, что законодательного закрепления требуют положения, которые бы позволили решить данный вопрос, и впоследствии это бы не препятствовало дальнейшему производству по уголовному делу.

По мнению Конституционного суда Российской Федерации, опубликованному в одном из судебных актов сказано, что «ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации обязывает органы государственной

власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Из этого правила, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, есть исключение, под которое подпадают сведения, содержащие государственную тайну, сведения о частной жизни, а также конфиденциальные сведения, связанные со службой, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью. Здесь речь идет о конституционных принципах, обосновывающих необходимость и соразмерность ее особой защиты» [42].

На третьем этапе происходит само судебное разбирательство, которое завершается принятием решения.

Суд избирает подозреваемому меру пресечения только если соблюдены следующие факты:

- следователем был предоставлен полный объем материалов с приложенным к нему заявлением;
- имеются основания чтобы избирать меру пресечения;
- учтены все обстоятельства, которые перечислены в уголовно-процессуальном законе.

Суд может избрать обвиняемому альтернативную меру пресечения, а не заключение под стражу, при наличии обстоятельств, констатирующих, что в случае ее применения будет достигнута ее цель, для которой она и применялась. И это несмотря на отличную от суда позицию сторон судебного процесса и мнение прокурора.

Избирая меру пресечения, судья разрешает вопрос: «какая из мер пресечения позволит обеспечить должное поведение подозреваемого (обвиняемого) в ходе предварительного следствия по уголовному делу?» [30, с. 134].

Об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение.

Один из правоведов считает, что «судебная правовая позиция в уголовном судопроизводстве – это юридически аргументированный вывод суда по конкретному уголовному делу, на основании которого суд принял решение по конкретному уголовному делу, и представляет собой мнение судьи, изложенное в мотивировочной и резолютивной части» [20, с. 160].

Третий этап, то есть само судебное производство о рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий можно условно разделить еще на несколько этапов.

На первом этапе происходит оглашение состава суда, доклад заявления, которое рассматривается в судебном процессе, установление личностей участников процесса, разъяснение им прав и обязанностей, судья уточняет наличие или отсутствие ходатайств и отводов.

Далее следует основная часть судебного заседания, на которой суд рассматривает заявленное следователем или дознавателем ходатайство, по существу.

Для рассмотрения ходатайства судье необходимо услышать его обоснование от следователя либо прокурора, затем заслушать позицию прокурора. Закон предусматривает обязательную предварительную форму согласования ходатайства дознавателя с прокурором, поэтому последний в большинстве своем, данное ходатайство поддержит. А в отношении ходатайства следователя, утвержденного его руководителем, позиция прокурора может быть иной.

Уточняющим вопросом судьи, который направлен обвиняемому, является вопрос понятности смысла заявленного ходатайства об избрании меры пресечения или нет, и какое он имеет к нему отношение.

В конце заслушиваются иные участники уголовного процесса.

Судебное решение выносится в форме постановления.

В соответствии с ч. 7 ст. 108 УПК РФ по результатам рассмотрения ходатайства судья выносит одно из следующих постановлений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения;
- об отказе в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя);
- о продлении срока задержания.

Руководством для судьи при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования является Пленум Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что, итоговое решение суд принимает всегда после проведения судебного заседания. Формальное проведение судебного заседания без детального, подробного исследования судом материалов уголовного дела, обосновывающих ходатайство следователя не допустимо. Судебный процесс в обязательном порядке должен проходить в форме разбирательства, а не иметь формальную форму.

Во время судебного разбирательства заслушиваются все стороны по делу, исследуются имеющиеся по делу материалы и доказательства, и только потом выносится решение.

Формальное судебное заседание на практике приводит к дальнейшей отмене судебных актов. Приведем пример. При рассмотрении в суде кассационной инстанции уголовного дела по кассационным жалобам адвоката, поданным в интересах подсудимых, суд установил, что «судом первой инстанции допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неустранимые в суде второй инстанции, а именно: суд не дал оценки приведенным доказательствам и иным доказательствам, имеющимся в материалах дела в целях проверки предъявленного органом расследования обвинения; данные потерпевшим в ходе предварительного следствия, суд в судебном заседании не привел совсем, тем самым показания потерпевшего судом не проанализированы и не оценены в совокупности с другими доказательствами, представленными органом следствия.

Было установлено, что суд апелляционной инстанции, не обсудив в судебном заседании вопрос по мере пресечения, необоснованно избрал в отношении П. и А. меру пресечения в виде домашнего ареста, защита и осужденные были лишены возможности высказаться по данному вопросу. Апелляционное определение в отношении подсудимых П., А. и Н. было отменено, и, поскольку мера пресечения в виде домашнего ареста была избрана судом апелляционной инстанции, она была также отменена вышестоящим судом в связи с отменой апелляционного определения. Уголовное дело в отношении подсудимых П., А. и Н. было передано на новое судебное рассмотрение в Астраханский областной суд в ином составе суда» [24].

При изучении судебной практики нам встретились вызывающие интерес судебные акты, которые суды выносили в случае отказа в удовлетворении ходатайства следственных органов, заявленного в порядке ст. 108 УПК РФ об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, «апелляционный суд оставил без изменения Постановление районного суда, которым отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании обвиняемой меры пресечения в виде заключения под стражу, и в отношении которой избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. «Суд оценил в совокупности все доказательства и свое решение мотивировал тем, что обвиняемая ранее не судима, является гражданкой РФ, имеет постоянное место жительства в г. Махачкале, где проживает со своей матерью и дочерью, характеризуется положительно, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что цели, преследуемые избранием в отношении ФИО1 меры пресечения в виде заключения под стражу, могут быть достигнуты избранием в отношении нее иной более мягкой меры пресечения в виде домашнего ареста» [3].

Вызывает интерес вопрос того, что получается при отказе судом в удовлетворении заявления следственных органов, которое было заявлено в

порядке ст. 109 уголовно-процессуального закона, о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

Приведем пример. Верховный суд РД указал, что «в ходатайстве следователя не усматривается, на каких фактических обстоятельствах, установленных им, основаны его выводы о необходимости продления срока содержания обвиняемого ФИО13 под стражей. Кроме того, в представленных материалах отсутствуют какие - либо сведения о невозможности применения в отношении ФИО13 иной, более мягкой меры пресечения, нежели заключение под стражу. Суд указал, что то обстоятельство, что обвиняемому предъявлено обвинение в совершении двух преступлений, в том числе и особо тяжкого, не может служить достаточным и безусловным основанием для продления срока содержания под стражей, поскольку указанные обстоятельства, согласно приведенным выше разъяснениям, являются основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лишь на первоначальном этапе следствия и не является безусловным основанием для продления срока содержания под стражей» [4].

Домашний арест избирается на срок до двух месяцев. При изучении материалов судебной практики, нами были выявлены случаи, когда суд выходил за пределы установленных законом сроков и избирал домашний арест на срок свыше срока предварительного следствия по делу. Так, «Следователь обратился в суд с ходатайством об избрании в отношении обвиняемого К. меры пресечения в виде заключения под стражу 16 декабря 2022 года, просил избрать меру пресечения на срок предварительного следствия по делу, т.е. по 30 января 2023 года.

Суд, рассматривая ходатайство следователя, принял решение об избрании в отношении К. меры пресечения в виде домашнего ареста на срок два месяца - по 14 февраля 2023 года включительно, т.е. свыше срока предварительного следствия по делу, а также свыше испрашиваемого следователем срока для применения к обвиняемому меры пресечения.

Каких-либо документов об установлении или продлении срока

предварительного следствия свыше двух месяцев материалы дела не содержат.

Суд кассационной инстанции признал, что закрепленные ч. 1-3 ст. 107, 108, 162 УПК РФ условия судом не выполнены, что повлияло на исход дела, и пересмотрел срок нахождения обвиняемого под домашним арестом» [25].

По другому делу срок был исчислен не с даты принятия судом решения об избрании меры пресечения, а с даты задержания обвиняемого.

Так, «суд кассационной инстанции установил, что в нарушении ст. 107 уголовно-процессуального закона срок домашнего ареста в отношении Г. исчислен не с даты принятия судом решения об избрании данной меры пресечения, а с даты его задержания в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ. В связи с чем судебная коллегия внесла изменения в судебные решения, улучшающие положение осужденного» [43].

Огромное значение при избрании домашнего ареста имеет этап работы уполномоченных органов по сбору и оценке доказательств, которые на суде будут являться неопровержимым фактором и доказательством выбора судьей оптимальной меры пресечения. То есть, мы выявили, что очень важным является, несомненно, досудебный этап.

Подведем итоги написания второй главы.

Указанные в работе примеры из судебной практики констатируют факт того, что не может являться основанием для нахождения обвиняемого под стражей лишь тяжесть предъявленного обвинения. Избирая меру пресечения суду необходимо учитывать положительные характеристики обвиняемого, и иные заслуживающие внимание факторы. Формальное проведение судебного заседания не допустимо.

Во время судебного процесса суд заслушивает по делу все стороны, исследует в полном объеме материалы и доказательства по делу, и лишь после этого выносит решение.

Суд принимает решение об избрании меры пресечения на основе самостоятельной оценки существенных обстоятельств, приводимых как стороной обвинения, так и стороной защиты.

Глава 3 Проблемы процессуального регулирования и практики продления, изменения и отмены меры пресечения в виде домашнего ареста

3.1 Продление домашнего ареста: основание, порядок и проблемы исчисления сроков

Согласно действующему законодательству, продление домашнего ареста возможно при наличии следующих оснований:

- в случае отсутствия возможности завершить предварительное следствие в срок до двух месяцев;
- в виду недостаточности доказательств для изменения или отмены данной меры пресечения.

В срок исследуемой в работе мере пресечения учитывается срок содержания обвиняемого под стражей. Совокупный срок домашнего ареста и срок содержания под стражей не должен превышать установленный уголовно-процессуальным законом предельный срок содержания под стражей – 18 месяцев, что на практике не всегда соблюдается и приводит к отмене судебных актов.

Будет уместным привести пример, изображающий чрезмерное продление мер пресечения, при котором общий срок исследуемой в работе меры пресечения и срок содержания под стражей составил тридцать два месяца десять суток. «Президиумом Верховного Суда Российской Федерации было установлено, что судом срок содержания под стражей Варданяна С.Л. неоднократно продлевался, затем мера пресечения была изменена на домашний арест.

3 марта 2018 года Варданян С.Л. обратился с жалобой в Европейский Суд по правам человека, которым было установлено нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении него.

В результате судебные акты были отменены, а производство в отношении

Варданяна С.Л. возобновлено ввиду новых обстоятельств» [47].

Проанализируем порядок продления домашнего ареста.

Продление домашнего ареста осуществляется только судом на основании ходатайства следователя.

Разбираемая нами в работе мера пресечения имеет свои особенности продления.

Так, она может быть продлена только с согласия руководителя следственного органа после того, как следователь выступит об этом с ходатайством перед судом. Следователем в заявлении должны быть обозначены положения и факты, благодаря которым суд установит, что имеется необходимость в продлении такой меры. Так же суд должен учесть невозможность избрания иной меры пресечения.

Следователю очень важно обосновать свое заявление, приложив к нему документы, которые будут выступать доказательствами и указывать на необходимость продления.

Срок, который указан в постановлении о возбуждении ходатайства и на который продлевается мера пресечения определяется исходя из масштаба следственных мероприятий, указанных в нем.

Представитель следственного органа обязан предоставить в суд ходатайство не позднее, чем за 7 суток до истечения меры пресечения.

Если мера пресечения продлевается не первый раз, то следователь акцентирует внимание на том, по какой причине необходимые процессуальные действия не были осуществлены ранее, и обосновывает, почему данную меру пресечения надлежит продлить в очередной раз.

При этом потребность следователя в осуществлении дополнительных следственных мероприятий не может служить единственной и внушительной причиной для продления обвиняемому срока нахождения под домашним арестом.

К постановлению следователь прикладывает копию постановления о продлении по уголовному делу срока предварительного следствия или

дознания. Судья оценивает приведенные в постановлении причины, учитывая процессуальную и практическую сложность материалов уголовного дела, время, которое заняло досудебное производство, работу должностных лиц органов предварительного расследования, соблюдение сроков производства процессуальных действий, и не позже, чем через пять суток принимает одно из следующих решений:

- о продлении срока нахождения под домашним арестом на срок, необходимый для окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, а также для принятия прокурором и судом решений по поступившему уголовному делу, за исключением случая, предусмотренного частью шестой ст. 109 УПК РФ. В вынесенном судебном акте судье надлежит указать дату, когда будет окончен срок продления разбираемой в нашем исследовании меры пресечения.
- об отказе в удовлетворении ходатайства следователя. При отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока нахождения под домашним арестом в отношении обвиняемого судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, избрать в отношении обвиняемого менее строгую меру пресечения.

При продлении домашнего ареста проводится судебное заседание.

Рассмотрим проблемы, выявленные в процессе изучения материалов судебной практики, касающиеся продления рассматриваемой нами меры пресечения.

Во-первых, рассмотрение заявления о продлении домашнего ареста с нарушением уголовного или уголовно-процессуального закона. Например, проведение судебного заседания о продлении домашнего ареста без участия

адвоката.

В частности, суд рассмотрел материал о продлении домашнего ареста без участия обвиняемого и стороны защиты, что свидетельствует о нарушении права обвиняемого на защиту. Как следует из Постановления суда «защищавший интересы обвиняемого по соглашению, подал апелляционную жалобу, в связи с тем, что, будучи извещенным о дне апелляционного рассмотрения, он заявил ходатайство об отложении слушаний ввиду того, что в назначенное судом апелляционной инстанции время обязан участвовать по другому делу. Об отложении судебного заседания ходатайствовал также и обвиняемый Г., изъявивший желание принять участие в суде апелляционной инстанции, но суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайства адвоката об отложении и принял решение о рассмотрении дела» [27]. Вышестоящий суд отменил постановление нижестоящей инстанции и передал судебный материал на новое рассмотрение.

Во-вторых, проблемы исчисления сроков.

«Проблема соблюдения процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве приобрела особую актуальность в связи с введением в УПК РФ статью 6, закрепившую новый принцип отечественного уголовного процесса «Разумный срок уголовного судопроизводства», тем самым определив особое значение этого положения для организации и порядка уголовного судопроизводства» [39].

Считаем, что введение данных положений стало следствием ориентации российского уголовного права на международные стандарты в области прав человека. Потому, в теории и в судебной практике нарушение процессуальных сроков всегда расценивается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, что приводит к негативным последствиям.

В частности, в следующем примере мы наглядно можем заметить, что в связи с тем, что основания для продления избранной меры пресечения в виде домашнего ареста не были обоснованными, судом был нарушен срок содержания обвиняемого.

Так, «обвиняемому судом неоднократно продлевалась мера пресечения в виде домашнего ареста, в рамках которого общий срок нахождения составил 13 месяцев 26 суток. В Президиум Верховного суда РФ Председателем ВС РФ было внесено представление о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств, в связи с тем, что Европейским Судом по правам человека установлено нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод подлежащим удовлетворению, поскольку продление домашнего ареста содержало лишь перечисление оснований, таких как, тяжесть обвинения, возможность повторного совершения преступления, уничтожение доказательств. Ссылок на конкретные факты, которые бы подтверждали действительность этих оснований, материалы судебного дела не содержали.

Суд не проверил, оставались ли указанные основания действительными на более поздней стадии разбирательства, поэтому счел, что их нельзя признать достаточными для столь длительного нахождения обвиняемого под домашним арестом» [46].

Верховным судом было возобновлено производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, постановления судов нижестоящих инстанций были отменены.

Срок домашнего ареста по смыслу ч. 2 ст. 107 и ст. 109 УПК РФ исчисляется сутками и месяцами.

Уголовно-процессуальный закон содержит статью, указывающую, что в соответствующее число последнего месяца истекает срок, который исчисляется месяцами. Но, при этом закон не раскрывает понятия «соответствующее число». Автор исследования считает, что под этим числом следует понимать ту же самую дату, с которой и начиналось исчисление срока.

Однако, исследовав судебную практику, сделаем вывод, что позиция судов по исчислению сроков при продлении меры пресечения неоднозначна.

В связи с чем приведем следующий пример. Апелляционной инстанцией было установлено, что «обоснованно продлив срок меры пресечения до 04

месяцев, суд ошибочно установил датой его окончания 13 декабря 2020 года включительно, поскольку в соответствии с требованиями статьи 128 УПК РФ, с учетом начала его исчисления с 13.08.2020, должен истекать 12.12.2020.

Кроме того, определяя дату окончания меры пресечения в виде домашнего ареста, суд не принял во внимание, что срок предварительного следствия по уголовному делу продлен до 13.12.2020. Таким образом, установив предельный срок действия меры пресечения по 13.12.2020 включительно, суд первой инстанции вышел за пределы срока предварительного расследования по делу» [10].

Постановление районного суда было изменено в части установления срока содержания обвиняемого под домашним арестом, суд посчитал продленным срок по 12.12.2020 г. То есть, данный пример наглядно показывает, что суд посчитал истечение срока не датой, с которой мера пресечения продлевается, а на день раньше. По другому делу суд неверно рассчитал дату начала течения срока, а дату окончания установил в соответствии с законом, то есть той же датой что и начало.

«Постановлением районного суда от 15 июня 2021 г. обвиняемому продлен срок домашнего ареста на 2 месяца, по 15 августа 2021 года включительно.

Вместе с тем, при продлении срока меры пресечения С.Д.О. в виде домашнего ареста, суд апелляционной инстанции указал, что суд первой инстанции не учел требования закона об исчислении сроков, предусмотренные ст. 128 УПК РФ.

11 марта 2021 года мера пресечения изменена на домашний арест сроком, который в дальнейшем был продлен до 14 июня 2021 года. Суд апелляционной инстанции, определяя конечную дату срока домашнего ареста С.Д.О., принимая во внимание, что срок домашнего ареста продлен судом первой инстанции на 2 месяца, посчитал, что общий срок домашнего ареста обвиняемого составит 7 месяцев 23 суток, и будет заканчиваться 14 августа 2021 года» [5].

Подведем итог. В процессе осуществленного анализа законодательства и судебной практики резюмируем, что домашний арест может быть продлен только если в судебном заседании были установлены конкретные доказательства необходимости его продления. Поэтому, основания продления, содержащиеся в уголовно-процессуальном законе, должны быть доказаны. В частности, к фактическим обстоятельствам, на основании которых судья принимает решение о продлении меры пресечения, не могут быть отнесены данные, не проверенные в ходе судебного заседания.

3.2 Особенности изменения и отмены домашнего ареста

Мера пресечения может быть изменена обвиняемому на более строгую в том случае если он совершил ряд нарушений во время нахождения под домашним арестом, и данные нарушения были раскрыты сотрудником следственного органа.

Среди таковых нарушений можем отметить:

- исполнение данной меры пресечения с очевидными нарушениями;
- отказ обвиняемого от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля;
- умышленное уничтожение и повреждение примененных к обвиняемому технических средств контроля.

Решение об изменении меры пресечения принимает суд по поступившему к нему ходатайству следователя (дознавателя), а в период судебного разбирательства-по представлению контролирующего органа [34, с. 45].

Приведем следующий пример: «За неоднократные нарушения порядка и условий исполнения домашнего ареста она была изменена Индрееву Х.Х. на заключение под стражу. Среди нарушений суд указал, что обвиняемый покидал место домашнего ареста. К тому же он обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде

лишения свободы для несовершеннолетнего до 10 лет» [8].

То есть, совокупность двух факторов, таких как оставление обвиняемым местонахождения под домашним арестом и особая тяжесть преступления, в котором он обвиняется стали достаточными для изменения судом меры пресечения на более строгую.

А вот в другом случае суд несвоевременно заключил о намерении лица скрыться, необоснованно изменив домашний арест на заключение под стражу.

Так, «Постановлением суда в отношении С. изменена мера пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу на срок 3 месяца с момента задержания, она объявлена в розыск, производство по уголовному делу приостановлено, уголовное дело направлено прокурору для осуществления контроля за розыском подсудимой.

Объявляя подсудимую в розыск и изменяя ей меру пресечения на заключение под стражу, суд также уклонился от проверки сведений, полученных от инспектора в судебном заседании, не направил запросы в государственные, медицинские учреждения с целью проверки указанных обстоятельств, не проверил уважительность причин неявки С. в судебное заседание.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции отменил постановление суда первой инстанции, поскольку вывод о том, что С. намеренно скрылась от суда, является преждевременным, повлек необоснованные выводы о необходимости приостановления производства по уголовному делу, объявлении ее в розыск и направлении уголовного дела прокурору для осуществления контроля за розыском подсудимой и изменении ей меры пресечения на заключение под стражу» [11].

Интересным является тот факт, что, если мера пресечения изменяется на более строгую, то участие суда в таком случае является обязательным.

А если же мера пресечения, которую ранее суд избрал, изменяется на более мягкую, например, подписку о невыезде, то для ее изменения не обязательно обращаться в суд, так как такое решение может вынести

следственный орган. А суд ограничится лишь контрольной функцией для того, чтобы не нарушались права личности при этом.

Более тяжелые меры пресечения, при которых права личности ограничиваются, следует избирать строго на основании судебного решения.

Действует строгое правило, что для того, чтобы отменить или изменить меру пресечения, нужно получить на это согласие руководителя следственного органа, а при производстве дознания-согласие прокурора.

«Обязательное согласие руководителя следственного органа и прокурора, в чьи функции входит контроль за соблюдением публичных интересов, и является достаточной гарантией отсутствия злоупотребления со стороны следователя (дознвателя) при отмене или изменении меры пресечения.

При изменении меры пресечения срок предыдущей меры пресечения учитывается как при замене домашнего ареста на заключение под стражу (п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ), так и при замене заключения под стражу на домашний арест (ч. 21 ст. 107 УПК РФ), хотя в последнем случае до принятия Федерального закона от 11 февраля 2013 г. № 7-ФЗ законодатель испытывал неопределенность в принятии решения. Данная неопределенность была связана вероятнее всего с тем, чтобы максимально мотивировать правоприменителя к применению домашнего ареста в качестве меры пресечения, поскольку изменение меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест в некоторых случаях становится почти бессмысленным, особенно когда лицо уже длительное время содержится под стражей. Однако затем законодатель склонился к симметрии между двумя этими мерами пресечения в части зачета сроков. Что касается остальных мер пресечения (подписка о невыезде, залог и т.п.), то здесь при переходе от одной меры пресечения к другой вопрос о зачете сроков вовсе не стоит, так как сами сроки не предусмотрены законом» [33, с. 560].

В марте 2024 г. уголовно-процессуальный закон подвергся изменениям, в частности, в статью 208 был добавлен пункт, благодаря которому стало

возможным отменить меру пресечения не только при исключении необходимости, но и при призыве подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время, либо заключении им контракта о прохождении военной службы.

В настоящее время в судебной практике нам не встретились судебные акты, в которых бы введенная законодателем норма права нашла свое применение.

Если при обжаловании судебного решения суд вышестоящей инстанции не отметит, что обстоятельства нахождения под стражей изменились, а суд нижестоящей инстанции при этом изменил меру пресечения, то сочтет это за нарушение требований ст. 389.15 УПК РФ, что в свою очередь приведет к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела.

Так было по одному из анализируемых автором работы судебных дел. «В постановлении суда первой инстанции в обоснование продления обвиняемому срока содержания под стражей было установлено, что он обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, находясь на свободе, может оказать воздействие на свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, скрыться от суда, продолжить заниматься преступной деятельностью или иным образом воспрепятствовать установлению истины по делу. Обстоятельства, послужившие основанием для заключения К.С.ГА. под стражу, не изменились. А суд апелляционной инстанции, отменяя судебное постановление в отношении К.С.ГА., и избирая последнему меру пресечения в виде домашнего ареста, указал, что в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие намерения подсудимого К.С.ГА. скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью или иным образом воспрепятствовать установлению истины по делу; отмечается, что в постановлении суда первой инстанции нет мотивированных выводов о невозможности избрания в отношении К.С.ГА. иной, более мягкой меры пресечения; судом не учтен объем обвинения, предъявленного каждому

подсудимому и его (К.С.ГА.) роль в совершении преступлений; не исследованы данные о личности подсудимого, который имеет постоянное место жительства в <адрес> <адрес>, тяжелые заболевания, инвалидность II группы, на иждивении троих малолетних детей.

Также суд в своем решении ссылается на Постановление КС РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П, в частности на то, что законность и обоснованность применения избранной по судебному решению меры пресечения определяется не только формально установленным сроком ее действия, но и наличием выявленных в состязательном процессе фактических и правовых оснований для ее применения. При этом, как вытекает из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, должна обеспечиваться соразмерность ограничений, связанных с применением в отношении лица заключения под стражу в качестве меры пресечения, тяжести инкриминируемого ему преступления, его личности, поведению в период производства по уголовному делу, а также наказанию, которое в случае признания его виновным в совершении преступления может быть назначено и может подлежать реальному отбытию с учетом уголовно-правовых институтов освобождения от наказания и смягчения наказания.

Вышеуказанные требования уголовно-процессуального закона судом апелляционной инстанции при изменении меры пресечения К.С.ГА. не приняты во внимание.

Судом апелляционной инстанции в постановлении не приведены мотивы, указывающие на то, что обстоятельства, послужившие основанием для избрания К.С.ГА. меры пресечения в виде заключения под стражу, на момент ее продления изменились, в связи с чем ему можно избрать более мягкую меру пресечения, поскольку данные о личности подсудимого, в том числе те, на которые ссылается адвокат учитывались судом при продлении ему меры пресечения в виде содержания под стражей».

В итоге, судом кассационной инстанции мера пресечения в виде домашнего ареста была отменена в связи с признанием незаконным решения

нижестоящей инстанции, и дело было направлено на новое рассмотрение [28].

Заклучим, что в рассматриваемом примере отменой меры пресечения в виде домашнего ареста явилось отсутствие в постановлении суда апелляционной инстанции конкретных мотивов, указывающих на то, что обстоятельства, послужившие основанием для избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, изменились на момент ее продления.

Подводя итоги написания третьей главы, обобщим выводы.

При продлении мер пресечения проблемным остается вопрос, касающийся указания в судебных актах конкретных оснований, обстоятельств, которые действительно повлекли бы изменение меры пресечения.

Как показывает анализ судебной практики, отсутствие в судебных актах данных оснований свидетельствует о нарушении уголовно-процессуального закона.

Например, из приведенного в этой главе примера, суд рассмотрел материал о продлении домашнего ареста без участия обвиняемого и стороны защиты, что свидетельствует о нарушении права обвиняемого на защиту. Это грубое нарушение, которое впоследствии привело к отмене судебного решения. Предлагаем внести изменения в истолкование законодательной базы, а именно, прописать возможность обеспечения участия в судебном процессе обвиняемому или адвокату, в том случае если они заявляли ходатайство о таком участии.

Еще одним проблематичным вопросом является вопрос несоблюдения судом установленного законом срока нахождения обвиняемого под домашним арестом по причине того, что судом ранее продлялась эта мера пресечения по необоснованным основаниям для столь длительного пребывания под домашним арестом.

В другом приведенном в работе примере продление домашнего ареста содержало лишь перечисление оснований, таких как, тяжесть обвинения,

возможность повторного совершения преступления, уничтожение доказательств. Ссылок на конкретные факты, которые бы подтверждали действительность этих оснований, материалы судебного дела не содержали.

Суд не проверил, оставались ли указанные основания действительными на более поздней стадии разбирательства, поэтому счел, что их нельзя признать достаточными для столь длительного нахождения обвиняемого под домашним арестом, что в дальнейшем привело к отмене судебного акта.

Сказанное еще раз свидетельствует о том, что судам в обязательном порядке в судебных актах надлежит прописывать конкретные основания, почему именно эти факты они считают существенными для продления меры пресечения. Считаю необходимым предложить законодателю разъяснить о необходимости указания судьями в решениях перечислений конкретных факторов, в виду которых мера пресечения подлежит продлению.

Мера пресечения, в частности, домашний арест может быть изменена в связи с тем, что основания для нахождения под домашним арестом изменились, например, как было видно из представленного в данной главе примера, мера пресечения обвиняемому была изменена на более строгую в связи с тем, что он нарушил условия, покидал место домашнего ареста и суд в дополнение учел особую тяжесть совершенного им преступления.

Если в избранной мере пресечения отпадает потребность, либо в случае призыва обвиняемого на военную службу в период мобилизации, тогда данная мера пресечения отменяется.

Но, случается и такое, когда суд по ошибке изменяет обвиняемому меру пресечения, например, с заключения под стражу на домашний арест, хотя обстоятельства, в связи с которыми данная мера пресечения не должна была быть изменена, не стали другими. В дальнейшем данный факт приводит к отмене домашнего ареста, в нашем исследовании был приведен такой пример.

Заключение

Изученная в процессе исследования правоприменительная практика, касающаяся избрания домашнего ареста, его продления, либо изменения, дает возможность высказать мысль, что нередки случаи, встречающиеся в вынесенных судом решениях, выявления нарушения системы их принятия, в связи с тем, что у суда по факту не было оснований для избрания меры пресечения.

В частности, в судебных актах об избрании мер пресечения судьи довольствуются лишь своими предположениями о том, что «существует вероятность подозреваемого к сокрытию..., уничтожению доказательств» и т.д. В судебных актах отсутствуют данные, характеризующие личные качества обвиняемого, состояние его здоровья, и другая важная информация. В большинстве своем, судьи принимают решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, ориентируясь лишь на тяжесть обвинения, что в последующем приводит к нарушениям прав обвиняемых и отмене процессуальных решений.

Проблематикой выступает то, что в судебных актах часто не содержится информации, характеризующей индивида, присутствуют лишь общие фразы, а конкретной информации, которая, например, указывала бы на состояние здоровья обвиняемого не содержится.

Считаем, что факт того, что обвиняемый в будущем, возможно, совершит еще одно преступление должен строиться не на абстрактных предположениях, а на существенных доказательствах, свидетельствующих о том, что он действительно может скрыться от следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, иным образом сможет воспрепятствовать установлению истины по делу, уклониться от исполнения приговора.

В связи с чем признаем необходимость на законодательном уровне внесения изменений в части разъяснения (толкования) нормы права, а именно

внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ, посвященном практике применения судами законодательства о мерах пресечения № 41, разъясняющую ст. 99 УПК РФ: «судам при принятии решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в своем решении надлежит прописывать кроме тяжести предъявленного обвинения, данные, которые могли бы охарактеризовать личность, указывали на состояние здоровья обвиняемого. То есть, все те сведения, которые имеют глобальное значение для верного избрания меры пресечения. В процессуальном акте должна иметь место аргументация, почему суд считает, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться от дознания, какие есть факторы, указывающие на это. В решении должны прослеживаться веские аргументы, доводы, подкрепляющие факт того, что цели уголовного судопроизводства недостижимы без применения иной, более мягкой меры пресечения».

Дискуссионным вопросом выступает так же процесс проведения судом судебного заседания. Только от судьи зависит, будет ли это формальный судебный процесс, на котором не исследуются подробно материалы уголовного дела. Либо судом будет проведено судебное заседание с подробным исследованием, изложением, детальной проработкой материалов уголовного дела.

Итоговое решение должно приниматься судом после проведения судебного заседания. Судебный процесс в обязательном порядке должен проходить в форме разбирательства, а не иметь формальную форму.

В связи с чем, предлагаем внести изменения в статью ч. 4 ст. 107 УПК РФ, изложив ее начало следующим образом: «Ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста рассматривается в судебном заседании, на котором заслушиваются все стороны по делу, исследуются имеющиеся по делу материалы и доказательства...». Далее следует действующая формулировка данной статьи.

Проблемным также остается вопрос нарушения судом срока содержания обвиняемого под домашним арестом в связи с тем, что продление избранной меры пресечения осуществлялось по основаниям, которые не могли считаться достаточными для обоснования длительного нахождения под домашним арестом. Довольно часто при вынесении решений об избрании меры пресечения судьи ограничиваются лишь перечислением оснований, таких как, тяжесть обвинения, возможность повторного совершения преступления, уничтожение доказательств. Ссылок на конкретные факты, которые бы подтверждали действительность этих оснований, материалы судебного дела не содержат.

В дальнейшем при рассмотрении судом ходатайства о продлении меры пресечения, суды не проверяют, остаются ли указанные основания действительными на более поздней стадии разбирательства, и в дальнейшем это приводит к отмене судебных актов.

В связи с этим, считаем необходимым внести изменения в ч. 2 ст. 107 УПК РФ изложив ее следующим образом: «В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии существенных оснований (с указанием конкретных фактов) для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда в порядке, установленном статьей 109 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей».

По вопросу, касающемуся изменения меры пресечения, автором работы так же были выявлены проблемы. В частности, как показал анализ судебной практики, домашний арест может быть изменен в связи с тем, что основания для нахождения под домашним арестом изменились, например, мера пресечения обвиняемому может быть изменена на более строгую в связи с тем, что он нарушил условия, в частности, покидал место домашнего ареста, и суд в дополнение учитывал особую тяжесть совершенного им преступления.

Либо суд ошибочно изменил обвиняемому меру пресечения с заключения под стражу на домашний арест, что в дальнейшем приводило к

отмене домашнего ареста, поскольку обстоятельства, в виду которых обвиняемый находился под стражей, не изменились.

Еще одним проблемным вопросом является вопрос рассмотрения материалов о продлении домашнего ареста без участия обвиняемого и стороны защиты, что свидетельствует о нарушении права обвиняемого на защиту. Это грубое нарушение, которое впоследствии приводит к отмене судебных решений. Предлагаем внести изменения в истолкование законодательной базы, а именно, в Постановление Пленума Верховного Суда РФ, посвященном практике применения судами законодательства о мерах пресечения № 41, в котором следует указать: «судам при разрешении вопроса о продлении меры пресечения обеспечить возможность участия в судебном процессе обвиняемому или адвокату, в том случае если они заявляли ходатайство о таком участии».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Андроник Н.А. «Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования». диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.4 Уголовно-правовые науки. Москва, 2023. 281 с.
2. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2023 г. N 18-АПУ23-3-К4 // СПС «Консультант Плюс».
3. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан от 12 сентября 2019 г. по делу № дело №22-1874 // СПС «Консультант Плюс».
4. Апелляционное постановление № 22К-2149/2023 от 6 октября 2023 г. по делу № 3/2-391/2023 // СПС «Консультант Плюс».
5. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 18 июня 2023 г. по материалам дела 22К-2939/2023 // СПС «Консультант Плюс».
6. Апелляционное постановление Магаданского городского суда от 21 декабря 2018 г. по делу № 22к-626/2018 // СПС «Консультант Плюс».
7. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 16 июля 2018 г. по делу № 22-4462/2018 // СПС «Консультант Плюс».
8. Апелляционное Постановление судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 19 августа 2020 г. по делу № 22к-669/2020 // СПС «Консультант Плюс».
9. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Крым от 26 октября 2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
10. Апелляционное постановление апелляционной инстанции по уголовным делам Приморского краевого суда от 26 ноября 2020 г. по делу № 22-4115/2020 // СПС «Консультант Плюс».
11. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от

13 июня 2023 года по делу № 22к-4608/2023 // СПС «Консультант Плюс».

12. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 23-25.

13. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дисс...канд. наук. СПб, 2017. 19 с.

14. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С. 21-25.

15. Гайнов И.Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII-XIX века). // Вестник Казанского юридического института МВД России. С. 5.

16. Галыгина Т.Ю., Шигурова Е.И. Домашний арест: проблемы теории и практики применения действующего законодательства // Огарёв-Online. 2016. №13 (78). С.2.

17. Гапонова Н.В., В.А. Виноградова. Домашний арест обвиняемого (подозреваемого): полная изоляция и право на прогулку. Уголовная юстиция. 2020. № 16 С. 43-46.

18. Горбатых И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.

19. Гусельникова Е.В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 10 с.

20. Даровских О.И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис ... доктора юрид. наук. Челябинск. 2022. 60 с.

21. Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. 2016. № 1. С. 134.

22. Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания. дисс...канд. наук. Красноярск, 2019. 40 с.

23. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2023 г. по делу N 77-2122/2023 // СПС «Консультант Плюс».

24. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01 июня 2020 г. по делу № 77-389/2020 // СПС «Консультант Плюс».

25. Кассационное постановление третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2023 г. по делу № 77-2011/2023 // СПС «Консультант Плюс».

26. Кассационное Постановление четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2023 г. № 77-2861/2023 // СПС «Консультант Плюс».

27. Кассационное постановление пятого кассационного суда общей юрисдикции от 04 августа 2022 г. по делу N 77-1454/2022 // СПС «Консультант Плюс».

28. Кассационное определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2022 г. по делу № 77-94/2022 // СПС «Консультант Плюс».

29. Качалова О.В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 38-42.

30. Квык А.В. «Меры пресечения, избираемые по инициативе суда на стадии предварительного расследования» диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.4 Уголовно-правовые науки. Москва, 2023. 281 с.

31. Климова В. В. Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России // Вестн. БГУ. 2011. № 2. С. 245.

32. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «Консультант плюс».

33. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. -2-е изд., испр. - М. : Статут, 2017. 1280 с.

34. Куценко С.М., Терехов А.Ю. Применение мер процессуального принуждения в ходе предварительного расследования. Учебно-практическое пособие. Уфа, 2021. 45 с.

35. Лукожев Х.М. История возникновения и развития государственного обвинения в России // История государства и права. 2011. № 23. С. 25-28.

36. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Санкт-Петербург : Типография «Сенат», 1906. 701 с.

37. Марковичева Е.В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в Российском уголовном процессе. Правосудие. 2023. № 3, С. 4.

38. Миронова А.В. Вопросы ограничения личной свободы в связи с применением домашнего ареста // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 10. С.106.

38. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение прав на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

39. Овчинников Ю.Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста // Рос. следователь. 2014. № 16. С. 55.

40. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 2121-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коленцевой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

41. Определение Конституционного суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 203-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Галаниной Елены Валерьевны на нарушение ее конституционных прав ч. 2 ст. 20 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» // СПС «Консультант Плюс».

42. Определение судебной коллегии первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.09.2023 г. № 77-4458/2023 // СПС «Консультант Плюс».

43. Павлик М.Ю., Токарева Е.В., Шепелева О.Р. Уголовный процесс // Сущность ограничений и запретов, налагаемых на обвиняемого, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. 2020. С. 166.

44. Постановление Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 1 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «Консультант Плюс»

45. Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации от 24 ноября 2021 г. № 93-П21 «О возобновлении производства по делу в виду новых обстоятельств» // СПС «Консультант Плюс»

46. Постановление Президиума Верховного суда РФ от 01 февраля 2023 г. по делу № 81-П22 «О возобновлении производства по делу в виду новых обстоятельств» // СПС «Консультант Плюс»

47. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2009. 13 нояб.

48. Попова Л.Н. История развития домашнего ареста как меры пресечения // Человек: преступление и наказание. 2017, № 1. С. 86.

49. Рябинина Т. К., Снегирева Д. Е. О некоторых проблемных аспектах применения новой меры пресечения - запрета определенных действий // Мировой судья. 2018. № 12. С. 25-32.

50. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. Статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. URL:

<http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

51. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при избрании (теория и современная практика): дисс ... канд. наук. Москва, 2020. 92 с.

52. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

53. Федеральный Закон от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс РФ в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СПС «Консультант Плюс».

54. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».

55. Челпанова Ю.О. Особенности применения мер пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому // Молодой ученый. 2018. № 37. С. 77-79.